

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 1 (17).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (17), 2022.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2=411.2)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-1-167-179>

© 2022. Николай Подосокорский

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия.*

Функция предисловий в творчестве Ф.М. Достоевского (о книге Л. Бэгби)

**Бэгби Л. Первые слова: о предисловиях Ф.М. Достоевского /
пер. с англ. Е. Цыпина. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРосси-
ка, 2020. 272 с. (Серия «Современная западная русистика» =
«Contemporary Western Rusistika»).**

© 2022. Nikolay N. Podosokorsky

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia*

The Function of Introductions in Dostoevsky's Work (About L. Bagby's Book)

**Begby, L. *Pervye slova: o predisloviakh F.M. Dostoevskogo* [First Words:
On Dostoevsky's Introductions]. Trans. from English by E. Tsypin.
St. Petersburg, Academic Studies Press / Bibliorossika Publ., 2020. 272 p.
(Series «Sovremennaiia Zapadnaia Rusistika» = «Contemporary Western
Rusistika»).**

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Аннотация: Рецензия посвящена критическому разбору основных положений монографии американского слависта, почетного профессора русского языка и литературы в Университете Вайоминга Льюиса Бэгби «Первые слова: о предисловиях Ф.М. Достоевского», в которой исследованы функции введений/вступлений в художественных текстах Ф.М. Достоевского. Бэгби выделяет десять таких произведений писателя («Село Степанчиково и его обитатели», «Записки из Мертвого дома», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Записки из подполья», «Бобок», «Бесы», «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Кроткая» и «Братья Карамазовы») и пытается проанализировать их предисловия при помощи типологии, разработанной Жераром Женеттом. Эта классификация представляется мало подходящей для точного описания и изучения введений в творчестве Достоевского. В рецензии указаны нестыковки и спорные моменты, содержащиеся в книге.

Ключевые слова: предисловия Достоевского, Льюис Бэгби, Жерар Женетт, «Село Степанчиково и его обитатели», вступление, введение, Александр Протопопов, Чернышевский, теория литературы, «Братья Карамазовы».

Для цитирования: Подосокорский Н.Н. Функция предисловий в творчестве Ф.М. Достоевского (о книге Л. Бэгби) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 1 (17). С. 167–179. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-1-167-179>

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Abstract: The review analysis the main theses contained in the monograph by Lewis Bagby, American slavistic, Professor Emeritus of Russian literature and language at the University of Wyoming, *First Words: On Dostoevsky's Introductions*, that researches the functions of prefaces/introductions in Dostoevsky's literary works. Bagby identifies ten Dostoevsky's texts (*The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants*, *Notes from the House of the Dead*, *Winter Notes on Summer Impressions*, *Notes from the Underground*, "Bobok", *The Devils*, "The Beggar Boy at Christ's Christmas Tree", "The Peasant Marey", "A Gentle Creature", and *The Brothers Karamazov*) and attempts to analyze the introductions using Gérard Genette's typology. This classification seems ill-suited to the task of describing and studying the introductions in Dostoevsky's work. The review points out inconsistencies and controversial moments in the book.

Keywords: Dostoevsky's introduction, Lewis Bagby, Gérard Genette, *The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants*, preface, introduction, Aleksandr Protopopov, Chernyshevsky, theory of literature, *The Brothers Karamazov*.

For citation: Podosokorsky, N.N. "The Function of Introductions in Dostoevsky's Work (About L. Bagby's Book)." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (17), 2022, pp. 167–179. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-1-167-179>

В серии «Современная западная русистика» за последние несколько лет вышел целый ряд переведенных на русский язык трудов американских славистов. К сожалению, далеко не все они отличаются надлежащим качеством и адекватным профессионализмом, но некоторые из них, безусловно, заслуживают критического рассмотрения. Ранее в нашем журнале уже выходила рецензия на один из выпусков серии [Вайнерман, 2021]. На этот раз речь пойдет о книге почетного профессора русского языка и литературы в Университете Вайоминга Льюиса Бэгби, посвященной функции предисловий в творчестве Ф.М. Достоевского. Автор настаивает на том, что «в отличие от вступлений Пушкина и Гоголя вступление Достоевского были обойдены вниманием. Не существует исследований его предисловий как приема в художественной прозе — как стратегии, рамки, авторской позиции. Кажется, что наиболее распространенной реакцией критиков на его вступление было замешательство» [Бэгби, 2020, с. 15].

Тезис Бэгби о том, что «в лучшем случае о вступлениях говорили как о чем-то случайном, а в худшем их считали бесполезным словоблудием» [Бэгби, 2020, с. 15], конечно, не выдерживает критики. Мне ни разу не встречались подобные пренебрежительные оценки среди серьезных специалистов. Такое заключение может быть связано лишь со слабым знанием Бэгби современных российских исследований творчества Достоевского (в основном он ссылается на советских достоевистов и западных коллег¹).

По наблюдению Бэгби, Достоевский никогда не использовал предисловия в произведениях, написанных до ссылки, «когда это было достаточно распространено», но «снабдил вступлениями многие из романов, написанных после ссылки — тогда, когда вступления стали выходить из моды» [Бэгби, 2020, с. 16]. Также он отмечает, что Достоевский практически всегда (кроме двух случаев) дает своим авторским предисловиям разные заголовки: «Вступление» (для «Села Степанчикова и его обитателей»), «Введение» (для «Записок из Мертвого дома»), «Вместо предисловия» (для «Зимних заметок о летних впечатлениях»), [Без заглавия] (для «Записок из подполья» и «Бобка»), «Вместо введения» (для «Бесов»), «Мальчик с ручкой» (для «Мальчика у Христа на елке» в «Дневнике писателя»), «О любви к народу» (для «Мужика Маррея» в «Дневнике писателя»), «От автора» (для «Кроткой» в «Дневнике писателя» и «Братьев Карама-

---

¹ На английском языке книга вышла не так уж давно — в 2016 году.

зовых») [Бэгби, 2020, с. 17]. Это уже само по себе свидетельствует о неформальном подходе писателя к такого рода предуведомлениям своего читателя.

К сожалению, Бэгби в своей книге не избежал пагубного поветрия — пытаться объяснить выдающийся художественный текст через наложение на него внешней теории, созданной другим ученым на ином материале. Так, он использует типологию предисловий, разработанную Жераром Женеттом [Genette, 1997], называя ее своей «путеводной нитью», — для того, чтобы «посмотреть, к каким категориям относятся предисловия Достоевского» [Бэгби, 2020, с. 18].

Женетт выделяет три основных типа предисловий: авторское, написанное непосредственно от лица подразумеваемого автора; аллографическое, исходящее от третьего лица, реально существующего (существовавшего) или вымышленного, но, безусловно, не являющегося автором; акториальное, написанное от лица персонажа, который фигурирует в последующем повествовании. Каждый из этих типов делится им на три подкатегории: аутентичное (предполагается нам от лица имплицитного автора), фикциональное (написано от лица вымышленного персонажа, который одновременно является повествователем) и апокрифическое (написано от некоего «автора», несовпадающего с тем, кому эксплицитно приписывается предисловие).

Таблица с распределением произведений Достоевского, имеющих предисловия, согласно классификации Женетта, заполнена Бэгби следующим образом [Бэгби, 2020, с. 19].

	Авторское	Аллографическое	Акториальное
Аутентичное	«Зимние заметки о летних впечатлениях» «Записки из подполья» «Бобок» «Мальчик у Христа на елке» «Мужик Марей» «Кроткая» «Братья Карамазовы»		«Зимние заметки о летних впечатлениях»
Фикциональное	«Село Степанчиково и его обитатели» «Бесы»	«Записки из Мертвого дома»	«Село Степанчиково и его обитатели» «Бесы»
Апокрифическое	«Записки из подполья» «Братья Карамазовы»		«Братья Карамазовы»

Как видно из таблицы, и как отмечает сам Бэгби, «Достоевский применяет промежуточные с точки зрения типологии Женетта формы. Их нельзя отнести к какой-либо одной категории, полностью исключив остальные» [Бэгби, 2020, с. 20]. Л. Бэгби считает причиной такой нестыковки «чрезмерное» литературное экспериментаторство Достоевского. «Трудность с помещением предисловий в прокрустово ложе единой теории, которая сможет надлежащим образом отразить их разнообразие, является следствием его экспериментов» [Бэгби, 2020, с. 225]. В другом месте исследователь снова сокрушается, что «создавая предисловия, Достоевский породил гибридные формы, сочетающие признаки разных типов предисловий» [Бэгби, 2020, с. 57]. Спрашивается: зачем тогда вообще подгонять под эту теорию то живое, что в нее явно не укладывается? Ведь даже термин «предисловие» (preface)² Бэгби взял в качестве основного только потому, что он более употребителен для Женетта. «Будучи словом, чье значение давно и хорошо известно, оно обладает хорошей родословной, ведя свое происхождение из французского языка XVII века, средневековой латыни и древнегреческого. Но я использую его вперемешку с синонимами «введение» (foreword), «вступление» (introduction и introductory) — лексическими единицами, которые сам Достоевский использовал наиболее часто» [Бэгби, 2020, с. 21].

При этом Бэгби видит семантическую разницу между «введением» и «предисловием»: «Происхождение их названий указывает на некоторые различия, которые, как мне представляется, незаметны досужему глазу. Например, “введения” проводят читателя через порог внутрь (в + -вод-/-вед-). В этом смысле они переводят дискурс с одного качественного уровня на другой (уровень художественного нарратива). Как и в повседневном узусе, когда нас “вводят” в круг людей или идей, мы переходим от незнания к знанию. <...> Слово “предисловие” означает предварительное слово или слово, предваряющее какой-то другой речевой акт. Оно предполагает нечто более статичное, нечто ориентированное на предшествующее состояние как таковое до того, как встречается что-то новое (о чем уже шла речь). Предисловие — это подготовка. Приставка и корень этого слова задают хронотоп, определяемый точкой соприкосновения

---

² Примечательно, что именно термин «предисловие» Достоевский не использует для обозначения своих «введений» к художественным текстам ни разу, кроме одного случая в «Зимних заметках о летних впечатлениях», да и то в отрицательной смысле: «Вместо предисловия».

момента и дискурсивного пространства высказывания. Его корень указывает сам на себя как на речевой акт. Оно находится внутри рамки и не вырывается оттуда. Достоевский обычно вкладывает обозначение “предисловие” в уста своего повествователя/рассказчика, но сам старается это слово не использовать» [Бэгби, 2020, с. 22–23].

В первой главе «Образцы предисловий в русской литературе» Бэгби анализирует предисловия к романам В.Т. Нарезного, Ф.В. Булгарина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и др. На примере предисловия к роману «Российский Жилбаз» (1814) Нарезного он отмечает, что предисловие — «это также локус выражения чувств автора, в нем закодированы его иногда скрытые, а иногда открыто высказываемые желания и тревоги» [Бэгби, 2020, с. 28]. Разбирая же предисловие М.Ю. Лермонтова к «Герою нашего времени», исследователь добавляет: «предисловия, написаны ли [они] эпигонами или выдающимися мастерами слова, не только выполняют разнообразные задачи — обозначение жанра основного произведения, самооправдание и защита от предполагаемой критики, — но и образуют зыбкую почву, на которой даже осторожным людям трудно устоять» [Бэгби, 2020, с. 35]. В предисловии Гоголя к «Мертвым душам» Бэгби обнаруживает «демонстрацию хрупкости его психики» и «предвестие его нервного расстройства» [Бэгби, 2020, с. 40].

К 1850-м годам предисловия, по наблюдению Бэгсби, «почти полностью исчезли из значимых текстов. И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой не использовали их ни в каком виде: ни как авторское, аллографическое или акториальное, ни как аутентичное, фикциональное или апокрифическое» [Бэгби, 2020, с. 40]. Однако и тут не обошлось без исключений. Бэгсби отдельно останавливается на информативном и ироничном предисловии А.И. Герцена к роману «Кто виноват?» (1845), написанному спустя десять лет после публикации первой, неполной версии романа, и на провокационном, агрессивном предисловии Н.Г. Чернышевского к роману «Что делать?» (1863), которое «возмутило Достоевского» [Бэгби, 2020, с. 41].

Автор монографии заявляет, что «Достоевский лишь изредка использовал в своем творчестве аутентичные авторские введения» [Бэгби, 2020, с. 43] и выдвигает предположение, что «причина подозрительного отношения Достоевского к аутентичным авторским предисловиям — его отношение к Чернышевскому как к бездарному писателю, который рискнул говорить от своего лица, тем самым сни-

жив до минимума эстетическую ценность таких предисловий» [Бэгни, 2020, с. 43]. Утверждение это тем более странное, если вспомнить, что сам Бэгни (!) отнес абсолютное большинство введений Достоевского (семь из десяти!) именно к типу «аутентичных авторских» предисловий (см. таблицу выше). То есть в очередной раз нельзя не указать, что искусственно выбранная теория тут просто не работает.

Отмечу и то, что вряд ли стоит сводить художественную позицию Достоевского (даже относительно такой «мелочи», как вступления) к отталкиванию от Чернышевского, отношение к которому, надо заметить, у него тоже было куда более сложным, чем как к просто «бездарному писателю». К тому же подобная автору романа «Что делать» прямолинейность и самовлюбленность были свойственны многим литераторам второго и третьего ряда. А «жанр» авторского дидактического предисловия задолго до этого превратился в предмет общественного отторжения и насмешек.

Приведу в доказательство этого фрагмент из вступления писателя Александра Протопопова (1814–1867) ко второму тому его романа «Смерть Наполеона, или расстрелянный шпион» (1836) с характерным заголовком «Опять предисловие?»

Что это? Господи, Боже мой! Опять предисловие?.. Пощадите г. Автор, ради Бога пощадите! Вы измучили нас своими предисловиями! Да и к чему они — эти предисловия? что за привычка приклеивать к каждой книге предисловие? ужели вы полагаете, что мы читаем все эти предисловия, которыми начинена наша литература? побойтесь Бога!.. сил не достанет!.. Пробовали, сударь, пробовали мы читать многие предисловия и — право — не нашли в них ничего дельного!.. и что за страсть писать предисловия? поверьте, что их никто не читает! Если книга хороша, ее можно оценить и без предисловия, если дурна, то и с предлинным предисловием свалится под стол! Нет, г. Автор ради Бога не пишите предисловий, не подражайте многим из г. литераторов!.. Так, быть может, будут говорить *брошенные в этот свет с Антипатиею к нашим бедным предисловиям...*

Как прикажете возражать? Я не в силах!.. или — позвольте, я сошлюсь на знаменитого нашего литератора Барона Брамбеуса; о он уверит, конечно, людей с *Антипатиею к предисловиям*, что книге без предисловия быть как-то не ловко, не здорово, не полно... [Протопопов, 1836, с. 1–3].

Иначе говоря, уже ко времени, когда Достоевский только начинал свою писательскую карьеру, тип импульсивного моралистического предисловия был давно не в моде и вызывал, скорее, недоумение, скепсис и «антипатию». Вопрос, почему писатель до каторги не предварял свои сочинения особыми введениями, а после каторги начал это делать, так и остается открытым. Объяснение, предложенное Бэгби, не кажется мне убедительным. «Можно предположить, — пишет американский исследователь, — что Достоевский решил обойтись без предисловий, поскольку его интересовало прежде всего повествование и его функционирование независимо от пристрастного слова, выражающего его собственную (или чужую) точку зрения. Он явно не испытывал желания объяснить читателям, каков жанр его произведений. Он не ощущал потребности давать читателю указания о том, как тому следует понимать его текст. Он считал, что его произведения сами себя покажут» [Бэгби, 2020, с. 56–57].

Замечу, что к обозначению жанра своих сочинений Достоевский изначально относился предельно внимательно, и многие выбранные им жанровые обозначения включены в сами названия или подназвания произведений («Белые ночи. Сантиментальный роман», «Двойник. Петербургская поэма», «Роман в девяти письмах», «Честный вор (Из записок неизвестного)» и т.п.). Т.А. Касаткина давно сделала очень тонкое и точное наблюдение: «Жанр настолько жанр, насколько он опознаваем, а не насколько он своеобразен. <...> Жанр — то, что устанавливается до начала анализа отдельного произведения, а не то, что выясняется в результате этого анализа. <...> Чем же является жанр, не являясь формально-содержательной категорией? Жанр — это категория отношения» [Касаткина, 2003, с. 65]. То есть говорить о том, что Достоевский во второй половине 1840-х годов «не испытывал желания объяснить читателям, каков жанр его произведений», ошибочно.

Со второй по шестую главы своей монографии Бэгби рассматривает предисловия к десяти художественным произведениям Достоевского (от «Села Степанчикова и его обитателей» до «Братьев Карамазовых»). Причина, почему писатель вдруг начал предварять свои тексты введениями после каторги и ссылки, видится ему в следующем: «Более вероятно, что Достоевский стал писать предисловия в силу понимания о себе как о художнике, пришедшего за годы размышлений как над своими неудачами, так и над своими

возможностями. Он предавался этим интроспекциям как наедине с собой, лежа на нарах в каторжном бараке, так и в переписке со своим братом Михаилом. Его писательским достижением явился тот угол зрения, который он смог представить в своих рассказах и романах; в том, что повествование в них велось от лица персонажей, а не какого-то (якобы) всеведущего автора» [Бэгби, 2020, с. 59]. Однако это, по-моему, никак не объясняет, почему предисловия его были столь разными и сопровождали далеко не все его произведения. Спорным кажется и утверждение о «ненадежности» рассказчика вступлений у Достоевского на том основании, что он «не обладает тайным знанием, необходимым для того, чтобы составить более или менее полное и всеобъемлющее представление о действии романа» [Бэгби, 2020, с. 60].

В целом создается ощущение, что Бэгби требует от предисловий Достоевского того, чего в них вовсе и не должно быть, и, когда не находит этого, то делает соответствующие сомнительные выводы. Например, говоря о повести «Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного», исследователь указывает: «Как предисловие, так и заключение совершенно условны. Возможность вкладывать в рамочные нарративы скрытое содержание не реализована ни в коей мере» [Бэгби, 2020, с. 61]. Не менее внешними по отношению к тексту кажутся и другие соображения Бэгби: «Ни рассказчик, ведущий повествование от первого лица, ни рамочная структура не являлись открытиями в литературе. Хотя в эпоху Достоевского (и задолго до нее) эти элементы хорошо себя зарекомендовали, они никоим образом не могли гарантировать того, чего он желал для своего романа более всего: одобрения критиков. По всей вероятности, заурядность этого сочинения обрекала его на судьбу хуже провала — оно не было замечено» [Бэгби, 2020, с. 61].

В приведенной выше цитате всё вызывает острое несогласие: и то, что Достоевский после ссылки более всего желал признания критиков (цену этого признания он прекрасно узнал еще в юности) — и, дескать, для этого, главным образом, и издавал свои произведения; и то, что «Село Степанчиково и его обитатели» — это «заурядное сочинение». Далее Бэгби и вовсе называет повесть «однообразной, затянутой и утомительной мыльной оперой» [Бэгби, 2020, с. 62–63], которая «требует слишком большого терпения от читателей» [Бэгби, 2020, с. 65], а писателя упрекает в «неубедительности» [Бэгби, 2020, с. 65], множестве «ошибочных авторских решений», которые

«очевидны уже во вступлении» [Бэгби, 2020, с. 68], «примитивных фарсовых приемах с упоминанием телесного низа» [Бэгби, 2020, с. 68] и др. Подобное надменное, слабо аргументированное отношение к великому писателю и его замечательному сочинению совсем не красит автора и больше говорит о нем самом, как об исследователе, чем о Достоевском.

Критикуя Достоевского за то, что тот «низко пал» [Бэгби, 2020, с. 69], написав скабрезную и «провальную» повесть «Село Степанчиково», да к тому же «совершенно неправильно оценил свою аудиторию» [Бэгби, 2020, с. 71], Бэгби умудрился в книге, специально посвященной введениям у Достоевского, полностью проигнорировать рассуждения персонажей (не входящие в «основное» вступление, составляющее первую главу повести) о том, как превратно современные критики³ понимают литературные предисловия. Так, в одиннадцатой главе повести «Крайнее недоумение» владелец Степанчикова, помещик Ростанев говорит о том, каким должно быть предисловие к стихам его лакея Григория Видоплясова:

Печатать, братец. Это уж решено — на мой счет, и будет выставлено на заглавном листе: крепостной человек такого-то, а в предисловии Фоме от автора благодарность за образование. Посвящено Фоме. Фома сам предисловие пишет. Ну, так представь себе, если на заглавном-то листе будет написано: «Сочинения Видоплясова»...

— «Вопли Видоплясова-с», — поправил Видоплясов.

— Ну, вот видишь, еще и вопли! Ну, что за фамилия Видоплясов? Даже деликатность чувств возмущает; так и Фома говорил. А все эти критики, говорят, такие задорные, насмешники; Брамбеус, например... Им ведь всё нипочем! Просмеют за одну только фамилию; так, пожалуй, отчешут бока, что только почесывайся, — не правда ли? Вот я и говорю: по мне, пожалуй, какую хочешь поставь фамилию на стихах — псевдоним, что ли, называется — уж не помню: какой-то ним. Да нет, говорит, прикажите по всей дворне, чтоб меня уж и здесь навеки новым именем звали, так чтоб у меня, сообразно таланту, и фамилия была облагороженная... [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 104–105].

---

³ Как выяснилось, и не только отечественные критики того времени, но и зарубежные исследователи, живущие спустя полтора века.

А ведь без учета и изучения подобных теорий предисловия, растворенных в последующих главах в диалогах героев, невозможно понять и генеральную авторскую задачу, которая решается через «основные» введения в начале текста.

К сожалению, в монографии Бэгби немало столь же поверхностных оценок и относительно других произведений Достоевского. Например, «Записки из Мертвого дома» для него «сами по себе выглядят беспросветной “чернухой”, которая исключает сложную картину человечества (в особенности мужчин), характерную для более поздней прозы Достоевского» [Бэгби, 2020, с. 77]. Тон Достоевского в предисловии к «Зимним заметкам о летних впечатлениях» он считает «легкомысленным» [Бэгби, 2020, с. 104], отмечая, что «ложно понятая национальная гордость и вызванный ею бессознательный уход в глухую оборону также мешают Достоевскому объективно излагать свои путевые впечатления» [Бэгби, 2020, с. 106]. В «Записках из подполья», на взгляд Бэгби, «Достоевский просто принимает участие в жарких и длительных дебатах» вокруг эпистемологической проблемы «детерминизм или свободная воля» [Бэгби, 2020, с. 118] и «лишь “как бы” объясняет появление Человека из подполья в 1860-х годах» [Бэгби, 2020, с. 135]. Вслед за Авраамом Ярмолинским Льюис Бэгби замечает, что введение к роману «Братья Карамазовы» «выглядит косноязычным и сильно затянутым» [Бэгби, 2020, с. 200, 201] и т.д. и т.п.

Неуместным, искусственным кажется и рабочий термин исследователя «декодирование» применительно к описанию восприятия обычными читателями предисловий Достоевского [Бэгби, 2020, с. 194, 196, 231].

Есть в книге и фактические неточности. Например, в одном месте Бэгби пишет, что роман «Бедные люди» был впервые издан в 1845 году [Бэгби, 2020, с. 56], тогда как он вышел годом позднее и т.п.

В заключении Бэгби делает в целом верный вывод: «Достоевский использовал для своих предисловий различные заголовки для того, чтобы привлечь к ним наше внимание. Он создал разнообразные формы предисловий, чтобы подчеркнуть важность неавтоматического восприятия. Он ставил и продолжает ставить перед нами трудные задачи для того, чтобы мы сумели не только воспринять текст, но и проникнуть в сам процесс творчества» [Бэгби, 2020, с. 230]. Но в том, что касается его анализа отдельных текстов и выбранных

методов изучения произведений Достоевского, нельзя назвать эту книгу сколько-нибудь выдающейся. Неоднозначным представляется и выделение в качестве самостоятельных, отдельных произведений художественных текстов из «Дневника писателя»⁴, ведь в романах «Великого Пятикнижия» тоже есть немало вставных новелл (тогда надо одновременно изучать и предисловия к ним?)

Тем не менее, само внимание к проблеме исследования предисловий Достоевского в монографическом ключе, безусловно, имеет научную ценность и определенные перспективы.

Список литературы

1. Бэгби, 2020 — *Бэгби Л.* Первые слова: о предисловиях Ф.М. Достоевского / пер. с англ. Е. Цыпина. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 272 с. (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).
2. Вайнерман, 2021 — *Вайнерман В.С.* О том, что за словами. Рецензия на книгу К. Аполлонио «Секреты Достоевского: чтение против течения» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 1 (13). С. 255–262.
3. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
4. Касаткина, 2003 — *Касаткина Т.А.* Структура категории жанра // Контекст: Литературно-теоретические исследования — 2003 / отв. ред. Е.В. Иванова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 62–97.
5. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
6. Протопопов, 1836 — *Протопопов А.П.* Смерть Наполеона, или расстрелянный шпион. Исторический роман в драматических картинах. Книжка вторая. М.: Тип. В. Кириллова, 1836. 111 с.
7. Genette 1997 — *Genette G.* Paratexts: Thresholds of Interpretation / trans. by J.E. Lewin. Cambridge: Cambridge UP, 1997. 427 p.

---

⁴ Об этом писала Т.А. Касаткина: «Прежде всего, кажущееся очевидным, но важное и традиционно не соблюдаемое исследователями творчества Достоевского методическое замечание. Необходимо сказать о том, как следует анализировать художественные тексты Достоевского, находящиеся в составе “Дневника писателя”. Их следует анализировать в составе «Дневника писателя». Если мы не следуем этому простому правилу, то уходим очень далеко от авторской идеи» [Касаткина, 2015, с. 405].

References

1. Begby, L. *Pervye slova: o predisloviakh F.M. Dostoevskogo* [First Words: On Dostoevsky's Introductions]. Trans. from English by E. Tsypin. St. Petersburg, Academic Studies Press / Bibliorossika Publ., 2020. 272 p. (In Russ.)
2. Vaierman, V.S. "O tom, chto za slovami. Retsenziia na knigu K. Apollonio 'Sekrety Dostoevskogo: chtenie protiv techeniia'" ["Beyond the Words. Apollonio, Carol Dostoevsky's Secrets. Reading Against the Grain. Review"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (13), 2021, pp. 255–262. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-1-255-262>
3. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochineniia: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
4. Kasatkina, T.A. "Struktura kategorii zhanra" ["The Structure of the Category of Genre"]. *Kontekst: Literaturno-teoriticheskie issledovaniia — 2003* [Context: Literary and Theoretical Research — 2003], ed. by E.V. Ivanova, Moscow, IWL RAS, 2003, pp. 62–97. (In Russ.)
5. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyi obraz v proizvedeniakh Dostoevskogo* [The Sacred in the Ordinary: the Two-Folded Image in the Works of F.M. Dostoevsky]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)
6. Protopopov, A.P. *Smert' Napoleona, ili rasstreliannyi shpion. Istoricheskii roman v dramaticheskikh kartinakh. Knizhka vtoraiia* [Napoleon's Death, or the Executed Spy. Historical Novel in Dramatic Pictures. Second Book]. Moscow, Tip. V. Kirillov Publ., 1836. 111 p. (In Russ.)
7. Genette, Gérard. *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Trans. by J.E. Lewin. Cambridge, Cambridge UP, 1997. 427 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 09.02.2022

Одобрена после рецензирования: 13.02.2022

Принята к публикации: 14.02.2022

Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 09 Feb. 2022

Approved after reviewing: 13 Feb. 2022

Accepted for publication: 14 Feb. 2022

Date of publication: 25 Mar. 2022